

Я повернулся к нему и произнес:

— В тот момент я лишь почувствовал, что что-то не так, но стоило мне на мгновение замешкаться, как силы покинули меня, и я провалился в сон. Только поэтому я не навредил старшему брату.

В душе я подумал: в тот день, когда я писал у старшего брата на ладони, Дун Ли уже спал и ничего не должен был знать. Он ведь тоже был отравлен, никто не станет его подозревать. Но раз старший брат уже знает, что кто-то подставил второго брата, значит, он решил сыграть по их правилам: притворно преследуя второго брата, они втайне уже объединились.

Дун Ли потянул меня за руку и легонько погладил предплечье, где остался лишь бледный шрам.

— Откуда у тебя этот шрам на руке? — спросил он.

Я мысленно вздохнул: обмануть Дун Ли было действительно нелегко. Вероятно, он уже обо всем догадывался.

— Му Жань сам не знает, заметил, только когда очнулся.

Дун Ли долго смотрел на меня, не стал допытываться и, медленно отойдя на несколько шагов, поднял голову к луне и тихо прошептал:

— О луна, не дай гостю уснуть, сияя в вышине. Где же мой друг? Лишь тени османтуса танцуют в тишине.

Затем он обернулся и посмотрел на меня, произнеся мягким голосом:

— Му Жань, каждый раз, глядя на яркую луну, я вспоминаю эти строки и думаю о том, как однажды смогу быть с тобой и мне больше не придется спрашивать: «Где же мой друг?». Теперь я наконец добился этого. Отныне я всегда буду рядом, и больше не позволю причинить тебе ни малейшей боли или страдания. Хорошо?

Его взгляд был полон нежности и меланхолии, казалось, в нем застыла сама печаль. Он молча смотрел на меня. В лунном свете его лицо казалось выточенным из белого нефрита, а белые одежды, развеваясь на ветру, придавали ему облик величественного и отрешенного божества.

Я медленно покачал головой, глубоко вздохнул и ответил:

— Дун Ли, твоя печаль говорит мне, что меня ждет более страшная правда. Ты не хочешь, чтобы я узнал её, верно?

Дун Ли отвел взгляд и с тяжелым вздохом воззрился в небо:

— Лицо, способное погубить города и царства, сердце, чистое, словно семь отверстий в кубке. Если Небеса так благоволили к Му Жаню, почему они обрекли его на такие муки?

Он снова посмотрел на меня и добавил:

— Спрашивай.

— Кто ты на самом деле, Дун Ли? Почему ты ненавидишь моего отца? До такой степени, что решил навредить старшему и второму братьям?

Дун Ли стиснул зубы и с ненавистью произнес:

— Он не твой отец! Именно он погубил твоего отца. У нас с ним кровная вражда. И они тебе не братья. Я — твой единственный родной человек.

— Нет, это невозможно... Я... Ты... — я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова.

Дун Ли продолжил:

— Му Жань, ты знаешь о Культе Небесных Одежд, который двадцать лет назад был уничтожен за одну ночь?

— Культ Небесных Одежд? Это же легендарная секта демонического...

— Верно, это та самая демоническая секта, которую так боялись и ненавидели так называемые праведники. Мой отец был главой Культа Небесных Одежд, а твой отец из-за своей лени не желал занимать никаких должностей, однако был самым доверенным другом моего отца и младшим братом, которого моя мать любила больше всех. Му Жань, я твой двоюродный брат, а также нынешний глава Культа Небесных Одежд.

Я больше не мог стоять и рухнул на землю. Дрожащим голосом я спросил:

— Почему... Почему ты так уверен, что я его...

Дун Ли подошел ко мне, сел рядом и крепко обнял.

— Он был мастером маскировки, даже в культе мало кто видел его истинное лицо, но я видел. Некоторое время мы жили под одной крышей, и, хотя я был ещё мал, я знал: дядя был красивейшим человеком в Поднебесной. Его внешность... стоит увидеть хоть раз, и уже никогда не забудешь. Му Жань, я понял это, как только впервые увидел тебя. Ты почти копия его. Неужели ты мне не веришь?

Я закрыл лицо руками. Как я мог не верить?

Дун Ли продолжал:

— Он был невероятно умен, но очень ленив, никогда не хотел прилежно заниматься боевыми искусствами. Зато он виртуозно владел ядами и мастерски расставлял формации, он...

Я разрыдался:

— Я верю... я верю тебе. Но почему я оказался на Вилле Опадающих Вершин? Почему отец... почему Су Чанцин принял меня?

Дун Ли притянул меня к себе со спины и с болью в голосе сказал:

— Су Чанцин! Все началось из-за него. Дядя случайно спас его и стал близким другом, не зная, что Су Чанцин лишь хотел использовать его. Скрывая свое истинное лицо и боевое мастерство, он через дядю проник в наш культ, украл наши секретные техники, а затем сговорился с этими так называемыми праведниками, чтобы уничтожить наш культ одним махом.

Сказав это, Дун Ли поднялся и долго смотрел в бескрайнюю ночную даль, погрузившись в глубокие раздумья.

Затем он медленно проговорил:

— Двадцать лет назад, в день рождения моего отца, отовсюду съехались последователи, чтобы поздравить его, но вдруг началось нападение. Во время битвы на горе Тяньи весь наш культ оказался отравлен. Эти люди, называющие себя праведниками, стремились вырезать всех до единого. За один день прекрасная гора Тяньи превратилась в поле, усеянное трупами, где кровь текла рекой. Отец и несколько старейшин из последних сил сдерживали врагов, защищая женщин и детей. Когда они наконец добрались до тайного хода, то обнаружили там поджидавшего их Су Чанцина. Оказалось, он стал новым главой Союза Боевых Искусств.

Дун Ли стоял неподвижно, но его тело начало дрожать — очевидно, он вспоминал что-то ужасное. Я подошел и обнял его со спины. Он вздрогнул, перестал дрожать и продолжил:

— Я собственными глазами видел, как падали старейшины, как упал отец. Дядя обезумел от горя, крича: «Ты обманул меня! Ты обманул меня! Ты обманул меня...». Он кричал без умолку, его голос был полон отчаяния, и он продолжал кричать, даже когда его начало рвать кровью.

Теперь задрожал я. Дун Ли развернулся и обнял меня, продолжая:

— Увидев такое, Су Чанцин бросился к нему, но дядя вонзил меч в собственный живот. Су Чанцин отвлекся, чтобы спасти его, и только благодаря этому мы смогли бежать. Но они продолжали преследовать нас. Отец и старейшины вскоре скончались от тяжелых ран, мать увезла нас в Западные земли, а оттуда через долгие скитания мы попали в Си Ся, где и обосновались. После той битвы силы нашего культа были практически исчерпаны, нам пришлось по крупицам собирать разбросанных повсюду последователей и восстанавливать мощь, чтобы однажды отомстить. Несколько лет назад скончалась мать, и я принял пост главы культа.

— Поэтому ты и поступил на службу к Князю Аньпину, чтобы с помощью его власти при дворе и влияния в мире боевых искусств втайне растить собственные силы?

— Именно так.

— А как же формации?

— Те формации расставил дядя. В них были спрятаны все секретные техники и сокровища нашего культа, о чем знали лишь немногие. Битва двадцатилетней давности случилась слишком внезапно, мы не успели их забрать, а большинство тех, кто знал о них, погибли в тот день. Мать знала лишь в общих чертах. Я долго искал и лишь недавно выяснил, что они спрятаны на горе, где стоит Вилла Опадающих Вершин.

— Но я... как я...

— Обосновавшись на новом месте, мать пыталась разыскать дядю, но безрезультатно. Зато до нас дошли слухи, что Су Чанцин после той битвы тоже ушел из мира, и мы решили, что дядя погиб ещё тогда... Увидев тебя на Вилле Опадающих Вершин, я был потрясен. Оказалось, он выжил, но, должно быть, был пленен Су Чанцином. После твоего ухода я тайно разыскал третью госпожу. Она была при смерти и лишь сказала мне, что она и твоя мать были из нашего культа и отправились на Виллу Опадающих Вершин, только чтобы спасти дядю. У них не вышло, и дядя погиб, пытаюсь спасти их. А ты — кровь дяди. Но что именно там произошло, она так и не сказала.

Мне больше нечего было спросить.

Правда открылась. Вот чего на самом деле боялся второй брат. В шесть лет, когда я впервые увидел Су Чанцина, вторая госпожа сказала: «Он ведь всё-таки кровь своего отца». Значит, она не знала правды. А раз так, то письмо, которое дал мне второй брат у подножия горы Суншань, не могло быть подлинным. Второй брат предпочел обмануть меня ещё раз, лишь бы я не узнал всей правды.

Су Чанцин принял меня тогда лишь потому, что я был похож на отца? В его взгляде, когда он смотрел на меня, сквозила ненависть, но часто проскальзывала и тоска. Должно быть, он полюбил моего отца. Знал ли он, что Культ Небесных Одежд вернется за мстостью, и потому нарочно позволил второй госпоже выжить старшего брата из дома?

Правда... эта правда причиняла мне такую невыносимую боль.

Я спрятал лицо в ладонях, свернулся калачиком и, сжав зубы, не мог унять дрожь. Дун Ли лишь крепко обнимал меня, продолжая тихо утешать.

Лишь когда взошло солнце, я поднял голову и, глядя на Дун Ли, произнес:

— Дун Ли, я не стану мешать тебе мстить. Но если однажды старший или второй брат попадут к тебе в руки, пожалуйста, отпусти их. Хорошо?

Дун Ли вздохнул:

— В твоём сердце они всё ещё занимают место. Но ведь они не твои братья, они — твои враги.

Я покачал головой:

— Я остаюсь с тобой, буду рядом. Только прошу, пощади их, ладно?

Дун Ли встал и сказал:

— Му Жань считает меня коварным и боится, что они не смогут мне противостоять, верно? Помнишь ли ты, что ты сказал мне тогда в Чанчжоу? Ты сказал: «Никто не рождается с умением плести интриги, получение такого «таланта» требует огромной цены». Я запомнил эти слова навсегда. Хочешь взглянуть на мою цену, Му Жань?

Я растерянно посмотрел на него, он усмехнулся и медленно снял верхнюю одежду.

Небеса... я прикрыл рот, затаив дыхание. Тело Дун Ли было покрыто шрамами, пересекающимися и бесконечными, на нем почти не осталось живого места. Некоторые раны были смертельными. Как он вообще выжил? Какие невыносимые страдания ему пришлось перенести? И это были лишь видимые шрамы, а сколько невидимых ран терзали его душу?

Дун Ли медленно оделся и сказал:

— Именно эти шрамы научили меня интригам. Му Жань, как я могу не мстить? Как я могу отпустить их? Неужели ты думаешь, что если они узнают, что за всем стою я, они пощадят меня?

Я рухнул на колени и зарыдал. Каждое ранение любого из них отдавалось в моём сердце нестерпимой болью. Небеса, я бы предпочёл умереть прямо сейчас. Я крепко схватился за грудь, чувствуя, как внутри всё клокочет, и задыхаясь от боли. Значит, вот каково это — когда боль невыносима?

Дун Ли достал фарфоровый флакон и протянул мне:

— Это называется «Забвение чувств». Я приготовил его специально для тебя. Достаточно выпить его, и ты забудешь всё прошлое, и боль больше не вернется.

Я взял его и крепко сжал. Дун Ли развернулся, собираясь уйти, и я тихо позвал:

— Дун Ли.

Он обернулся.

Я улыбнулся ему сквозь слезы:

— Постарайся избавиться от этих шрамов, хорошо? Хотя бы ради меня. Я не хочу, чтобы мое сердце обливалось кровью каждый раз, когда я их вижу. Ты ведь сможешь это сделать, правда?

Дун Ли тоже улыбнулся и едва заметно кивнул.

Я снова спросил:

— Как звали моего отца?

Дун Ли ответил:

— Его фамилия Сяо, имя Яо. Он выбрал его сам, больше всего на свете стремясь к свободе и беззаботной жизни. Он любил смеяться, а самый часто используемый им яд назывался «Яньжань» (Улыбка). Люди называли его «Господин Яньжань».

Сказав это, он развернулся и ушел.

Я улыбнулся, глядя на флакон «Забвения чувств» в своей руке.

Можно ли на самом деле забыть чувства?

<http://bllate.org/book/21137/2144056>